

**ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035**

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2035

ШИМУН ВРОЧЕК

МЕТРО 2035

**ПИТЕР
ВОЙНА**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В82

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи — Дмитрий Глуховский

Оформление серии — Павел Бондаренко

Врочек, Шимун.

В82 Метро 2035: Питер. Война: [фантастический роман] / Шимун
Врочек. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. (Вселенная
метро 2035).

ISBN 978-5-17-092149-2

Убер, двухметровый голубоглазый «красный» скинхед, язвительный и наглый шовинист и расист, «упоительный ублюдок», как его описывают читатели первого «Питера», вернулся! К сожалению, сейчас питерское метро балансирует на грани войны с империей Веган, которая использует людей в качестве удобрений, и необузданные выходки Убера ухудшают и без того непростую ситуацию. А ведь теперь у него еще есть и компания, которую Уберу придется кормить с ложечки, воспитывать и выводить из тыла наступающих войск империи.

Правда, веганцы тоже еще не вполне осознали, с кем они связались...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092149-2

© Глуховский Д.А., 2018
© Врочек Ш., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ

Проект «Вселенная Метро 2033» стартовал девять (девять!) лет назад. Родившись из идеи о том, что читатели «Метро» могут становиться писателями, он действительно быстро превратился в целую вселенную. Без малого девять десятков книг, написанных авторами из России, Украины, Белоруссии, Польши, Англии и Италии превратили карту Земли из постыдной пустыни в переливающуюся огоньками человеческих душ живую ткань.

Долгие девять лет мы рассказывали вам о мире без завтрашнего дня. О цивилизации, которую люди разрушили собственными руками. О жизни на руинах и о сползании в темную бездну, из которой человек не выберется уже никогда. Таково было мое «Метро 2033», и таким был проект, который ему наследовал.

Каждая книга «Вселенной Метро 2033» была сбивчивым рассказом выжившего, который торопился поведать нам о судьбах своих пропавших товарищей и родных, прежде чем тьма поглотит и его самого. Авторы серии становились первооткрывателями, приподнимающими завесу тайны и разгоняющими «туман войны» на той или иной точке карты. Иногда их истории пересекались и переплетались, но при этом каждая из них была обособлена.

Но роман «Метро 2035» многое изменил. Эта книга о герое, который не намерен покорно гибнуть, который должен не просто выжить любой ценой, но и мечтает возродить человечество, вернуть ему потерянный мир, переворачивает «Вселенную». Самое важное открытие сделано: земля наверху обитаема, в это только нужно поверить, ее нужно отвоевать. А продолжающая «Метро 2035» компьютерная игра «Метро: Исход» сошьет разные клочки на карте страны воедино.

Настает время, когда героям метро и пустошей придется собрать в кулак волю, чтобы подняться с колен и выйти из катакомб на воздух, на поверхность. Настает время, когда им придется бросить вызов нечисти, которая завладела миром за вре-

мя нашей отлучки. Время, из обрывков стран и народов предстоит собрать, выплавить и выковать новую цивилизацию. Разрушив старый мир, построить на его обломках новый. Создать его — или сгнить окончательно.

По одиночке выжившие обречены тихо угаснуть. Если собрать их в кулак — шанс есть. Но кому вести их в будущее? Кому подчинятся одичавшие и отчаявшиеся люди? Создание новой империи не будет бескровным — как никогда не бывало. Чтобы стал мир, будет война. Во «Вселенной Метро 2035» каждая книга станет главой этой саги. Каждая будет кусочком паззла, из которых мы вместе соберем огромную мозаику, эпическое полотно, повествующее о последней попытке человечества спастись и воскреснуть.

Романы «ВМ2033» просто описывали мир после Апокалипсиса: это был первый акт нашей драмы. Во втором их герои соединятся, встанут плечом к плечу или сразятся друг с другом. Кусочками паззла станут и их судьбы, и их жизни.

«Питер: Война», долгожданное продолжение легендарной второй книги «Вселенной Метро 2033», написанной Шимуном Врочеком девять лет назад, становится начальной главой этой новой саги. Заржавевшие за двадцать с лишним лет гермоворота со скрежетом раздвигаются. Солнце слепит нам глаза, и легкие наши переполнены ветром. Мир наверху ждет нас. Покорим его или погибнем. Дайте руку.

Ваши, Дмитрий Глуховский

Вместо пролога

ДЕНЬ, КОГДА РАСПУСТИЛИСЬ ЦВЕТЫ

Я помню день, когда распустились цветы.

Возможно, вы тоже его помните. Даже если родились намного позже, через несколько лет, в бомбоубежище, в мертвом, сыром и душном метро. В последнем пристанище загнанного в угол человечества. В крысином углу, среди обглоданных человеческих костей...

В аду.

Я закрываю глаза, чтобы не видеть качающийся огонек карбидной лампы. Даже с закрытыми глазами я вижу желтое пятно, похожее на отсвет ядерного взрыва.

Я закрываю глаза, лежа на воняющем жиром и грязью финском пуховике. Я закрываю глаза и лежу без движения, словно мертвый. Я вспоминаю, о чем мечтал «до». Неужели о том, чтобы меня оставили в покое? Неужели я действительно думал, что после Дня, Когда Распустились Цветы, вокруг окажется стерильная пустыня, лишние люди исчезнут и весь мир будет предоставлен мне одному?!

Черта с два.

Мир серой ядерной пустыни, где вонь умирающих пропитала стены пустых домов. Мир, где человеку нет места. Мир проникающей радиации и радионуклидной пыли.

Я помню тот день. День, когда распустились цветы.

Я даже начал писать стихи.

Послушайте.

Однажды в метро спустился Бог, чтобы дать нам последний шанс...

Дальше я пока не придумал. Возможно, потому, что Бог никогда не спускался?

Сейчас, лежа на грязном синем пуховике, я думаю, что в жизни не видел ничего красивее атомного взрыва. Огненный цветок, распустившийся над городом. Истинный свет, поглотивший копоть человеческой цивилизации. Я знаю, что не могу

этого помнить, потому что в тот момент я был глубоко под землей, за безопасной многометровой толщей гермы. Но все-таки я помню. Огненные лепестки, ласкающие землю. Свет и стон. И камень плакал и стекал, как слезы...

Если это было не проявление силы Бога, тогда что это было?!

Господь наш, ты огромен, и зловещ, и прекрасен.

...Иногда я думаю, что случилось бы, если бы я не успел добежать до метро?

Превратился бы в пепел рядом с входом в станцию. Оранжевый пепел в форме человека, который медленно рассеивает ветер.

Иногда я жалею о том, что успел.

Иногда я лежу и мечтаю о том, что не добежал. Что остался там, среди всех этих людей — этих прекрасных людей, которым осталось жить примерно минуту, пять минут, два часа... от силы неделю. И когда я так думаю, скрежет запирающихся гермоворот больше не снится мне по ночам.

Иногда я представляю, что где-то там, далеко в космосе, есть огромная голубая планета, где все умершие — живы. Там есть города, леса, озера и парки, моря и пустыни, животные и рыбы. Там есть все, что было в нашем мире...

И только метро там нет. Совсем.

И знаете... Когда я так думаю, я счастлив.

Кто-то называет это Катастрофой, кто-то Судным Днем, кто-то — Днем смерти. Я говорю:

День, Когда Распустились Цветы.

Тысячи и тысячи пусковых шахт опустели в один момент. Тысячи и тысячи металлургических семян были посланы по ветру. Тысячи и тысячи огненных цветков распустились одновременно.

И знаете что?

Еще никогда Земля не была такой красивой.

Желтый отсвет карбидной лампы тает на внутренней стороне век.

Я лежу, закрыв глаза, на грязном и вонючем финском пуховике, и думаю о мире за стенами метро...

Мир, в обветшалой пустоте которого, если прислушаться, тихонечко поют альфа- и бета-частицы.

Боже, еси на Небеси, да светится имя Твое.
Да пребудут рентгены Твои с тобой,
да защитишь Ты нас от них.

— Молитва Мики

Да сдохни, блин, уже!

— Том Пикирилли. «Да сдохни блин уже»

Прелюдия

КРАСНЫЕ СТАЛКЕРЫ

— Мне тебя даже жаль, — сказал человек. — Честно.

* * *

Воздух заметно просветлел, но солнце еще пряталось за кварталами заброшенных темных домов. Розовый свет очерчивал угрюмые силуэты зданий.

Утро.

Серый монстр ушел. На земле остался окровавленный кусок мяса — бесформенная масса из мышц, костей и гордости. Раньше, возможно, эта масса была человеком. Сейчас в это трудно было поверить.

Ветер заунывно дул в развалинах, трепал изодранную химзу.

Прошла минута и другая. Человек не шевелился. Похоже, он был уже мертв...

Прошло десять минут. Потом еще столько же.

Из-за угла развалившегося дома появилась фигура, обмотанная слоями скотча и пленки. В руках у человека был автомат.

Диггер махнул кому-то невидимому рукой и стал спускаться с горы обломков.

Следом показались еще двое, вынырнули с разных сторон.

Ветер выл.

* * *

Командир отряда красных диггеров Александр Феофанов по прозвищу «Феофан Грек» или просто Грек, задумчиво оглядел место сражения. Затем повернулся к за-

местителю — высокому худому дигтеру по прозвищу Гриф. По прозрачному забралу противогаза у зама разбегались трещины. Самая крупная была залеплена скотчем. Рассвет розовел на стекле, Гриф щурился. Становится слишком светло, подумал Грек. Они и так задержались, а теперь их настигал рассвет. А все из-за проклятого нашествия тварей. Что они сегодня, с цепи сорвались?!

Словно Гон в этом году начался раньше времени, причем у всех тварей разом, а не только у собак Павлова.

И серый... Феофанова передернуло. Серый был хуже всего.

— Ушел этот? — он мотнул головой. Огромный чудовищный монстр. Мифический, чтоб его, Блокадник.

— Ага, — кивнул Гриф.

— Тогда пошли. Быстро, быстро, быстро!

Дигтеры боевым порядком, по трое, прикрывая друг друга, спустились из развалин дома в ущелье, в которое превратилась одна из улиц Петербурга. Сначала они издали слышали звуки боя, взрывы, выстрелы, яростные крики умирающих мутантов и человеческие голоса. Теперь пришли увидеть последствия.

— Вартуман, на шухере, — приказал Грек. — Остальным — как обычно. Работаем.

Он замер, увидев, во что превратился человек. Окровавленная масса. Один из дигтеров, Поэт, среднего роста крепыш, прозванный так за склонность к сочинению виршей и отмазок, наклонился. Выпрямился, протянул руку.

— Командир, смотри.

— Что это? А!

Раньше это было противотанковой гранатой РГК-3. Цилиндрический корпус смят многочисленными ударами, рукоятка согнута под углом...

Грек покачал головой.

— Чего он не кинул ее? Захреначил бы, рванет, танк память можно...

— А вот почему.

Дигтер перевернул гранату. Внутри тонкого стального цилиндра, где должен был находиться пусковой механизм и запал, было что-то серое, с тусклым блеском. Командир выпрямился. Однако.

— Свинец?

— Ага, — дигтер хмыкнул в маску. — Учебная. Крутой перец.

Теперь этот «крутой перец» мертв. Ну, и чего стоит его крутость?

Грек помолчал.

— Разберитесь здесь, — сказал он Грифу. — Я буду наверху.

Вернувшись на площадку четвертого, верхнего этажа, командир дигтеров достал бинокль. Надо осмотреть окрестности.

Интересно, почему одни здания в городе — как новенькие, а другие — словно после артиллерийского обстрела? Грек покачал головой. Приставил бинокль к глазам, навел резкость. Волна тварей продолжала кого-то преследовать. Бегунцы прорезали, как большие корабли, стаю мелких собак Павлова, за ними шествовали худые скелеты Голодных Солдат... Истинное столпотворение.

На мгновение Феофанову даже показалось, что он видит высокую серую фигуру среди этой толпы. Рука дернулась. Неужели знаменитый Блокадник? Грек чертыхнулся, подкрутил резкость. Нет, серой фигуры больше не видно.

Крр. Бух, бух. Шш-х.

Феофанов резко повернулся. Что еще? Шаги. Шорох бетонной крошки. Кто-то поднимался по лестнице, причем не особо таясь. Через несколько мгновений в проеме лестничной клетки показалась голова Поэта. Увидев наведенный на него «калаш», диггер безмятежно помахал рукой. Все-таки он безбашенный, решил Феофанов. Небось, еще и улыбается там, под противогазом. Ох, уж этот Поэт. Командир опустил автомат, чуть не сплунул в маску, но в последний момент удержался.

— Чего надо? — спросил грубо.

— Командир... там это... того...

— Короче!

— Дышит.

— Кто дышит?

Сталкер пожал плечами.

— Ну, этот... Крутой перец. Прикинь. И у него... гм... — Поэт вдруг потерялся в словах. — В общем, он, кажется, наш.

Несколько мгновений Феофанов не мог сообразить, что это означает.

— Наш?!

...Стен здесь практически не было, от всей лестничной клетки более-менее уцелела только лестница, но даже в ней зияли дыры. Сырой питерский ветер врвался в пробоины, толкал командира в плечо. Феофанов сбежал вниз, автоматически перешагивая через провалившиеся ступени. Неловко оступаясь, на пятках спустился по склону из битых кирпичей и мусора.

— Показывайте.

Самохвал, медик отряда, посторонился. Перчатки его химзы были заляпаны красным.

«Крутой перец» лежал на земле, заваленной обломками кирпичей. Кровь была повсюду, словно ее разбрызгивали под давлением. Рядом с «перцем» на корточках сидел Рыжий, слепопыт группы. Заметив взгляд командира, диггер молча оттянул рукав изодранной защитной куртки — так, что в прореху стала видна татуировка.

Ё, моё! Феофанов сглотнул.

Действительно. Похоже, рейд накрылся. И волей-неволей превратился в спасательную операцию...

На поверхности, как и в океане — людей не бросают. Морской закон.

Особенно своих.

В прорехе химзы виднелась татуировка: серп и молот в окружении лаврового венка. «Коммунист? Здесь?! Что за черт...»

Раненый внезапно дернулся, судорожно втянул радиоактивный воздух сквозь пересохшие, растрескавшиеся губы. Но в сознание так и не пришел. Высокий, широкоплечий, жилистый. Голова бритая, в шрамах. Кровищи-то, подумал Грек. Интересно, в этом теле хоть пара костей уцелела?

Феофанов кивнул. Возможно, сейчас мы просто теряем время... Повернулся к медику:

— Вколи ему чего-нибудь... сам знаешь. Перевязку там, шины. И побыстрее! Рыжий, у тебя вроде была запасная маска? — диггер кивнул. — Давай, тащи. Времени нет, Жень. Нет времени. Упаковываем его и — домой. Мужика надо вытащить.

Феофанов оглянулся. Часовой наверху показал знаками — все чисто.

— Кто знает, вдруг *этот* вернется.

Грек подумал о сером монстре и передернулся. Жуткая тварь. Кто знает, смог бы он, как этот бритый, выйти на монстра врукопашную?

— Командир, — медик отряда, Самохвалов, помедлил. — Он не дотянет. У него... Может, не стоит тратить радиозащиту? У нас осталось всего ничего, пара шприцев. Что я потом ребятам колоть буду?

— Не жадничай, — оборвал Феофанов. — Кастет, давай наверх, проверь. Все, пакуем его и пошли.

— Не дотянет, я же говорю, — медик устало покачал головой. — Только зря мучить будем. И ребят, и его.

— А ты, Самохвал, постарайся, чтоб дотянул. Я понятно выражаюсь? — Феофанов добавил металла в голос.

Медик выпрямился. Его старая химза, вся в белесых пятнах, словно вытравленных кислотой, полоскалась на ветру.

— Есть.

Феофанов и сам понимал, что бритоголовый вряд ли дотянет до Звездной. Но по-другому поступить не мог.

Даже если он просчитался, лучше такая ошибка, чем гниленькое, паскудное ощущение, что нечто важное осталось несделанным. Что мог поступить как настоящий человек, но почему-то вдруг — трусил, испугался, не стал. Поленился.

Вытащим.

— Командир, готово, — доложил медик.

Забинтованный, упакованный в несколько слоев полиэтиленовой пленки — для защиты от излучения, — раненый лежал на земле, словно новорожденный младенец в пеленках. Под него подстелили кусок брезента, связали узлами углы, чтобы удобней было нести. Добавили пару ремней для надежности. Получились импровизированные носилки. Дай бог дотянуть до Звездной.

Командир кивнул. «Хорошие у меня ребята».

— Ну, с богом... двинулись!

На ходу его догнал Гриф, пошел рядом размеренным, чуть хромающим шагом. Когда-то диггер в заброске нарвался на бегунца, но — уцелел. Гриф потерял два пальца на левой ноге. Многим повезло меньше. Феофанов краем глаза видел прихрамывающий силуэт диггера. «Кажется, я знаю, о чем он хочет поговорить».

— Командир, — начал диггер.

— Ну, что еще?

— А что с ним будет... у нас?

Феофанов, забывшись, взялся за подбородок. Поскреб пальцами толстую резину. Об этом он старался не думать. Сначала спасательная операция, потом — все остальное. Впрочем...

— Ну, не убьют же его, верно?

Гриф пожал плечами.

— Кто знает, — сказал он нехотя и отстал. Феофанов сжал зубы, продолжил размеренно шагать. Каторга, каторга. Надо уметь, блин, закрывать глаза на определенные вещи. Каторга не-об-хо-ди-ма. Да, у нас на Звездной далеко не все хорошо! Есть отдельные недостатки. Но где их нет? Зато впереди — светлое будущее, пусть дорога к нему и лежит через каторжный тоннель.

— Пролетарии всех стран... — начал Феофанов традиционную формулу.

— ...объединяйтесь! — закончили диггеры нестройно.

— Все, держать темп, — велел Феофанов. — Поэт — впереди.

I

УБЕР И РЕВОЛЮЦИЯ